

Геннадий Прашкевич

РУССКИЙ ХОР

ПОВЕСТИ

ЛИДЕ

МОСКВА
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П70

Прашкевич, Г.

П70 Русский хор / Г. Прашкевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 360 с.

ISBN 978-5-521-74043-7

Нигде, ни в одной стране мира, прошлое не зависит так сильно от будущего, как в нашей России. Этому великому парадоксу посвящены повести Геннадия Прашкевича. «В литературе, в отличие от шахмат, — написал ему когда-то его друг, замечательный советский писатель-фантаст Георгий Гуревич, — переход из мастеров в гроссмейстеры зависит не только от мастерства. Тут надо явиться в мир с каким-то своим личным откровением. Что-то сообщить о человеке человечеству. Например, Тургенев открыл, что люди (из людской) — тоже люди. Лев Толстой объявил, что мужики — соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители — только пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать — объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех одного общего счастья. Каждому нужен свой собственный ключик, свое сочувствие. Любовь отцветающей женщины открыл Бальзак, а Ремарк — мужскую дружбу, и т. д. А что скажете миру вы?» Вот этим замечательным вопросом Геннадий Прашкевич много лет и руководствуется.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74043-7

© Геннадий Прашкевич, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

УПЯЧКА-25

1

В начале пятидесятих прошлого века стоял на углу пыльных улиц Трудовой и Весенней (железнодорожная станция Тайга, Кемеровская область) старый бревенчатый, в три окна, «Продамаг». Торговали в нем пряниками и изделием № 2. Других товаров не было, да и денег ни у кого не было. А я (Кривосудов Пантелей, по матери Трегубов) ходил тогда в школу и любил рисовать. Рисовал я по памяти, иногда по прочитанным книжкам. Карандашом черным. Но время от времени приносил мне баночку яркой синей краски дядя Коля — кладовщик ОРСА № 9, он часто помогал моей маме по огороду. Этой синей краской я рисовал небо. И зимой, и летом. Небо, небо, небо, везде синее небо. Потом дорисовывал людей — тоже синих. Тут умысла не было, я бы и красных нарисовал, будь красные краски.

Однажды мне сказали: «Иди в клуб, там твои картинки ругают».

Я пошел. Был теплый летний вечер. Смеркалось. По улице с пастбища возвращались толстые теплые коровы, пускали длинные слюни, пастух лениво хлопал бичом, но это он просто так — коровы сами знали, кому в какой двор идти. Звучно шлепались о землю сырые, разбрызгивающиеся лепешки, коровы мычали долго, сладостно, влажно. А завуч нашей школы Настасья Петровна зачем-то в этот день вывесила в холле рабочего клуба им. Ленина множество листков из альбомов для рисования — изобразительные работы учеников старших классов.

Были там и мои — синее небо, синий гусь.

Я считаю, красиво. И завуч тоже так считала.

Мы с ней были уверены, что лектору, приехавшему из областного центра (Кемерово), качество изобразительных работ и вообще положение художественных дел на узловой железнодорожной станции Тайга должно понравиться, но лектор оказался строгий. Лысый и толстый, он все время утирал потную голую голову огромным носовым платком. Оказывается, мы его огорчили. Он приехал читать лекции о свободном социалистическом искусстве, глубоко народном, а увидел на разных картинках каких-то синих людей, даже синего гуся. «Если бы такие люди на улицах, то понятно, — кричал он. — Если бы такие синюшные люди сразу после войны, тоже понятно. А нынче-то зачем? Вот дай людям волю!»

Я тогда впервые услышал про «Купание красного коня».

Ничего особенного. Я тоже мог нарисовать, ну, скажем, купание синей рыбы, но лектор здорово возбудился. У одного так называемого «художника», кричал он, размахивая кулаком (тоже лысым, как его голова), по небу мужики в лаптях постоянно летают, а другой вообще изобрел черный квадрат. «Представляете? — размахивал он лысыми кулаками. — Черный!» Он погрозил кому-то, и привел мнение Первого секретаря Коммунистической партии Советского Союза: «Не люблю всей этой музыки!» И уже от себя лично добавил, что такие картинки, как у этого вашего мальчика... ну, Кривосудова, что ли?... как он там?.. Или Трегубов?.. Определитесь, черт, наконец, с этими его фамилиями!.. Такие картинки, как у этого Кривосудова-Трегубова, неплохо смотрятся в стенах советского рабочего клуба...»

И ткнул пальцем, не глядя: «Это что?»

Я встал и ответил, как на уроке: «Это гусь».

«Какой же он гусь, если синий?» — удивился лектор.

Я плечами пожал. Не объяснять же ему, что в нашем «Продмаге» торгуют только потрескавшимися от времени пряниками и изделием № 2, а у кладовщика на складе ОРСа № 9 бывает только синяя краска. Тут не в цвете дело. Тут главное, найти

нужное настроение. Людям весело смотреть на моего синего гуся. Черный было бы плохо, а вот синий — весело. Да и вообще, это не я, а завуч развесила картинки.

2

Когда мне стукнуло 18, я уехал с приятелем в Магадан, на Колыму — это очень далеко от Кузбасса. Над нами смеялись, дескать, туда чаще ездят на казенный счет. Но мы поехали. Мы завербовались, как чернорабочие, на целых три года, потому что, как ни крути, а надо было что-то зарабатывать, а тут еще подруга приятеля стала грозиться забеременеть, и военкомат тоже требовал от нас обязательного исполнения гражданского долга...

Когда приплыли в Магадан (пароходом), разразился ну прямо тропический дождь, только холодный, и шел он шумно и беспрерывно чуть ли не пять суток, а у нас билеты до Певека. Мы с приятелем год должны были отработать за полярным кругом — на метеостанции. Я этого не боялся. Я ко всякому делу привык относиться с душой. Что видел, то и передавал бы по радио или как это там делается в Певеке? Прогнозы погоды передавал бы достоверные. Так что, пока шел долгий холодный дождь, мы с приятелем жили на сквозняке в деревянном аэропорту, спали на местных газетах. Я молодой был, а все равно простыл. Скоро бронхит вошел в свою хроническую стадию, но узнал я об этом уже в Певеке на берегу Северного Ледовитого океана, куда, в конце концов, прилетел, но один, без приятеля. Тот, повалявшись на грязном полу аэропорта, решил к подружке вернуться. Правда, не успел. Армия перехватила.

А я почти месяц пролежал в певекской больнице.

Когда становилось скучно, листал истории болезней.

Вечером врач и медсестра уходили домой, никаких других больных не было, окна промерзали насквозь, стекла становились мохнатыми от инея, я валялся на диванчике в ординатор-

ской и листал всякие интересные истории болезней. «Больная до приезда скорой помощи половой жизнью не жила». Я так и представлял, как она сидит, ожидает «скорую» и не живет половой жизнью. Лицо красивое, задумчивое, коротко стрижена. Я тогда тоже был задумчивый и коротко стрижен, и часто задумывался о любви. «Больной в постели активен, часто меняет позы». И это я тоже хорошо представлял. Я сам часто мечусь во сне. Лягу на живот, а просыпаюсь на спине, руки раскинуты. «Больная находится в глубокой депрессии и постоянно плачет». Наверное, думал я, чем-то огорчена.

Потом подходил к заиндевелому окну. Дышал на него, пытался продышать иней. Над Певеком — лед, снег, дымка морозная. Все казалось вечным, красивым. Думал, в таком суровом краю настоящую любовь не встретишь, но, в общем, это меня не огорчало.

Когда вышел из больницы, много гулял.

Некоторые называли наш порт Певецией — городом на воде.

Да и то, воды там было много, прямо в городе набережная. Ну и лагерь был, это само собой. Говорили, что в лагере до сих пор много интересных людей работает. Ничего странного, ведь чукотское золото начиналось с Певека, несмотря на постоянные холода и сильный ветер. Как работник метеостанции, могу так сказать: зимой переохлажденные воздушные массы постоянно стекают с большой горы с огромной скоростью, чуть не 60 км в час. А на метеостанции одно время (до меня) работал известный товарищ Купецкий, он открыл планетарное движение льдов в полярной области Земли.

Где еще делать большие научные открытия, как не в нашем Певеке?

Да и художникам в Певеке было хорошо. Там много было художников.

Льды... Снег... Белизна... Пиши какой угодно краской, только похоже, в искусстве это, может, единственное условие. Не зря в Тайге лысый лектор кричал на меня, что, мол, как напишешь окружающий мир, таким его люди и запомнят. И упре-

кал: из-за тебя, мол, Кривосудов, или как там тебя... Трегубов... из-за тебя люди будущего будут думать, что на железнодорожной станции Тайга (Кузбасс) в пятидесятых годах 20 века водились синие гуси...

Ну, не знаю. Да и кто знает?

В Певеке я об этом не особенно задумывался.

В Певеке — льды белые, вода отливает нежной блеклостью, небо тоже нежное, белесое, блеклое, отсвечивает, везде моргание, плеск слабый, чайка вскрикнет, всё постоянно меняется. Я думаю, люди сильно преувеличивают свои воззрения на живую природу. К тому же, люди в Певеке мне быстро примелькались, стали казаться очень знакомыми. Я постоянно перебирал в голове, где встречал того или другого человека? Ну, прямо измучился. Простуда прошла, только глухота отдавала в правое ухо, как в пустую бочку, но мыслил я четко, и решил думать для простоты, что все жители нашей Певекии — это просто артисты из американских фильмов, даже грубый начальник аэропорта, и летчики, и строители, и работники метеостанции.

Этим интересным открытием я поделился со своим соседом по комнате.

Барачное общежитие было тесным, не сильно разгуляешься, на улице постоянно ветер и мороз, но сосед начал избегать меня. Зато на кухню теперь заходила новенькая — молодая девушка по отчеству Галина Борисовна, серьезная, ножки, брови, как у американской артистки. Жарила рыбу, подогревала тушенку, — любила готовить. Иногда улыбается, не болтливая, даже не знаю, что про нее сказать. Я краснел, когда видел Галину Борисовну. Такую хоть чем рисуй, хоть дегтем, ни за что не испортишь. Если я был в комнате один, она заходила, садилась на стул, расспрашивала про Тайгу, про детство, однажды поделилась таким наблюдением, что вот она — скорпион по знаку зодиака, и это хорошо, а все тельцы (это про моего соседа по бараку) — козлы. Рассматривала картинки, подарила школьный альбом для рисования. Иногда спрашивала:

«Будешь меня рисовать?»

«Буду».

Тогда она сама раздевалась.

Она так думала, что если человека рисуют, он должен раздеться.

Можно сказать, была воспитана на настоящем классическом искусстве.

Но то, что у меня получалось, ей никогда не нравилось. Она даже раздеваться перестала, говорила: «Зачем? Такое и по памяти можно нарисовать». И стала заходить реже. Работала на строительстве новой взлетной полосы и заочно обучалась в Институте культуры. «Ты талантливый, но тёмный. Буду искусствоведом, всё тебе расскажу».

И ничего особенного больше не позволяла.

Зато очень скоро ее выбрали парторгом участка.

Занимаясь в певческой библиотеке, Галина Борисовна увлеклась творчеством великих русских поэтов. Имен я не помню, но некоторые строчки остались в памяти. Например, про бездомных индусов, которые брели, брели по ущельям между гор и случайно набрали на заброшенный храм. В стихах часто всё не так, как в настоящей жизни, наверное, некоторым поэтам, как художникам красок, слов не хватает.

«Перед ними на высоком троне — Сакья-Муни, каменный гигант».

Вот что увидели бездомные индусы в одиноком заброшенном храме.

«У него в порфировой короне — исполинский чудный бриллиант».

Если толкнуть такой бриллиант на черном рынке, думал я, можно не один год спокойно посещать рабочую столовую. Страшно жалел, что Галина Борисовна такая строгая. Правда, она водила меня по местным художникам. Один, посмотрев, прямо сказал мне: «Бред!» Но без зла. Просто в тесной комнате у этого художника всегда было влажно и жарко, он ходил почти голый, Галину Борисовну называл на ты, нисколько ее не стеснялся — настоящий козел, бородой, будто мхом, оброс. Из ржа-

вых батарей время от времени валил белый пар, полотна, написанные красками на постном масле, скукоживались, шли потеками. Раньше здесь находилось паспортное отделение, поэтому ничего никогда там не ремонтировали, а художник считал, что и не надо ничего ремонтировать. Он считал, что в таких условиях его картины рано или поздно приобретут просто неповторимый вид.

А другой художник был еще интереснее.

Закончив картину, он ставил ее за кухонный стол и надолго забывал про нее. Тараканы постепенно объедали гуашь, сам по себе рисунок исчезал, оставались обалденные кружева. Все ломали голову, как такое можно придумать, а он только мне выдал секрет.

Когда мы вернулись из Певека в Магадан, Галина Борисовна решила показать мои рисунки в местной газете. Таким образом появились в газете вид на бухту Нагаева, пустая певекская набережная, сутробы на океанском берегу, сделанные одной-единственной, нигде не прерывающейся линией.

Но Галине Борисовне хотелось большего. Она все время думала, искала. «Ты вот, — спрашивала, — что считаешь искусством?» А я не знал, как правильно ответить. Думал: ответу неправильно, она обидится.

«Искусство — это то, что всегда близко народу».

Ну, может быть. Не знаю. Я ей показал как-то объявление в местной ведомственной газете: «Нужны спортивные девушки, 22 года». Думал, посмеемся, а Галина Борисовна газету у меня забрала и, сходяв по указанному адресу, вернулась домой прямая, почти с военной выправкой. Рассказала, что собрали там штук двадцать девушек, не меньше, все — 22 года. В кабинете стояли деревянные скамьи, строгий стол покрыт зеленым, кое-где порезанным, но аккуратно заштопанным сукном с поставленной в специальное отверстие стеклянной чернильницей-непроливашкой. За столом — два незнакомых человека в офицерской форме. Все свои, чтобы слухов не было. Первых трех девушек сразу отпустили, ничего им не пообещав,

а на Галине Борисовне остановились. Она пришла в кашемировом пальто песочного цвета, похожем на мужское, двубортное.

— Наверное, вы замужем? — спросили.

— Даже в мыслях такого нет.

Офицеры не поверили:

— Все равно замуж пойдете, потом в декрет. Появится ребенок, больничный будете брать. Не важно, что ребенок может оказаться практически здоровым. Мы ведь в Магадане. У нас климат суровый.

— А я, — сказала Галина Борисовна, — девушка принципиально.

Офицеры удивились:

— Принципиально. Это в каком смысле?

Галина Борисовна ответила:

— Мужа нет, детей не имею, учусь в Институте культуры. Есть друг-художник, но он практически вылечился. И в предложенной анкете ответственно указала: «Общительная, трудолюбивая, ответственная, легко обучаемая. Девиз по жизни: «Всё, что не убивает, делает нас сильнее» Активно участвую в политических мероприятиях». Дальше, понятно, про работоспособность, про большую настойчивость. И отдельно отметила, что интересуется новостями на направлении «радиотехника».

Офицеры переглянулись и попросили заполнить анкету и на меня.

— Говорите, художник? Говорите, одновременно перенес чуть ли не семь болезней?

Галина Борисовна этот неоднозначный факт подтвердила.

— Говорите, политически инертен, но много и правильно думает?

Галина Борисовна и этот факт подтвердила.

— Говорите, рисует картинки одним цветом, но всегда нашим?

— А как же иначе?

Галина Борисовна все это подробно пересказала мне на прогулке.